

ОДНАЖДЫ

Однажды в начале марта получила я телеграмму: «Мама в больнице. Приезжай. Люда».

Люда — моя сестра. Мне было шестнадцать лет, я училась на третьем курсе механического техникума. Корреспонденцию нам доставляли прямо в техникум. Там возле дежурной стоял специальный столик. Я оформила заявление, заглянула в общежитие, собрала тощий рюкзачок и в семь часов вечера уже лежала на третьей полке вагона в поезде Красноярск — Абакан. Билет — до станции Ужур, а дальше до родной леревни «Курбатово» на попутках — как повезёт. В семь утра была в Ужуре. На балахтинском постоялом дворе словила попутку до деревни Тюльково. Дальше попутки не случилось, а до Курбатово ещё тридцать километров. Ну, думаю, морозец небольшой, пойду, а там, может, кто и подберёт. Бодро так пошла. Но только вышла за деревню, поднялась на горку — повалил снег. Ветер в лицо, видимости никакой, я и не заметила, как сбилась с дороги и буквально воткнулась в стог сена.

Зашла с подветренной стороны, обтёрла мокрое и заледеневшее лицо. Выкопала в сене ямку, залезла поглубже. В сене-то хорошо! Тепло. Отдохнула, согрелась, в сон потянуло.

Однако, думаю, усну, замёрзну или волки съедят. Поплакала. Надо идти! Вылезла из стога. Метель слабее, и вдаль телеграфные столбы виднеются. А столбы ведь вдоль дороги. Туда и надо двигаться.

Пошла, дважды попадала в снежные ямы, еле вылезла. Наконец под ногами дорога!

Отряхнула снег, пошла. Ветер то в лицо дул, а теперь в спину поддавал, идти легче. Сколько шла — не знаю, темнеть стало. Вижу: вдалеке огоньки светят. Деревня!

Бегом сколько сил было. Улицы пусты, но всё же встрети- тилась женщина.

— Что за деревня?

— Третье отделение.

Вот это да! Это я три километра в сторону отмотала!

— А где живёт агроном Шестаков Михаил?

— Вон, в третьем доме от угла.

А Миша и Нина — мои хорошие друзья. Встретили меня с радостью Наругали за опасное путешествие, накормили, напоили, спать уложили. А утром Миша сбегал на конный двор, запряг в сани лошадку и отвёз меня до деревни Ров- ное. А от Ровной до Курбатово всего семь километров, род- ные места. Тут уж я сама добежала.

В одиннадцать ура появилась я на пороге родного дома. И мама была дома! Её утром из больницы выписали. Вот была радость!

ПОЧЕМУ Я НЕ ЛЮБЛЮ

Почему я не люблю ложиться рано спать? Почему — сама не знаю. Может, это привычка с юности.

Лето! После всех дневных трудов помоешься в баньке холодной водичкой. Вечер. А гармошка заливается! На всю деревню. Тут уж устал не устал, а ноги сами в клуб бегут. Танцы «до упада». В двадцать три часа клуб закрывается. Игры, ходим по деревне, песни поём. Потом посиделки. До- мой в два-три часа расходимся.

А ведь в пять-шесть утра вставать.

И так всё лето. Жиреть некогда! Отсыпaeшьcя, только когда дожди.

А может, потому не люблю ложиться рано спать, что люди, конечно условно, делятся на «жаворонков» и «сов».

Вот моя сестра Наташа — «жаворонок». Она встаёт в пять-шесть часов утра. Дольше она лежать не может. Зато и ложится не позднее десяти вечера, засыпает.

А я — «сова». Вот наступает ночь. Домашние все спят. А у меня и голова ясная, и сна — ни в одном глазу. Личное время! Делай что хочется: пиши стихи, читай, звёзды считай...

Утром, конечно, люблю поспать, но встаю не позднее восьми утра: домашние хлопоты.

Днём думаю: сегодня лягу пораньше, — но наступает вечер — и всё повторяется.

Ну не люблю я рано спать ложиться!

ТЁТКА ТАИСИЯ ТАРАСОВНА

Тавтограмма

Тётка Таисия Тарасовна Торопова телеграфировала Тимофею Тренькаеву: «Тимка, твой твердолобый тесть требует тебя творить терем, телятник, теплицу. Тесаки тестевы, топоры твои. Торопит».

Тесть Тимкин, Трофим Трифионович Тучин, — трудоголик; Танька тестева, Тимка — тунядцы. Так тесть твердит.

Тимка трясся троллейбусом. Тревожили телефонные трели. Товарищи торопили Тиму: «Тайник Тальянка — там талантливый тенор тешит твоих товарищей трелями. Торопись!»

Тимофей терзался: тесть трепанёт, товарищи тарарахнут, Танька тоже тумакими тузит. Такая тоска!

Троллейбус тормознул — Тальянка!

Тимофей торопливо трамбовал тротуар. Тайник Тальянка тестя тихонечко турнул.

Товарищи Тимофея торжествовали: тискали, трепали трепака. Тенор тянул танго. Тётка Таисия творила тесто. Танька танцевала твист. Тесть топал таёжною тропую. Токвали тетерева.